

Александр Новиков

БЕТОНЩИЦЫ

На развилке дорог Ставрополь — Минеральные Воды, близ Невинномысска, бросается в глаза большая стрела — на красном фоне ее серебрятся слова: «Всесоюзная комсомольская ударная стройка». Туда мчатся машины, спешит народ...

Среди громадных корпусов легко разыскать бригаду бетонщиц Ольги Павловны Околоты.

Вот и она в красной косынке, в светлой кофте, гибкая, стройная. Подхватила шланг, включила ток. Загудело, задергалось в ее ловких руках цилиндрическое тело электровибратора. С визгом вонзился он в жидкую массу бетона...

Смотришь на работу девчат с земли, и кажется, что там, на помосте, словно играючи, легко и увлеченно они орудуют лопатами под зудящую музыку электровибратора. Это теперь так кажется. А тогда, поначалу... Ох, этот бетон, ох, этот вибратор! Всякое было, и со слезами смешивался бетон...

А после работы, отогреваясь в общежитии, растирали вазелином потрескавшиеся руки и уходили «наверстывать упущенное» — садились за парты... Незаметно, с годами, пришло мастерство,

пришло и высокое звание бригады коммунистического труда.

... Наступил трудный месяц июнь. Тревожился старший прораб Анатолий Никитин: половина бригады бетонщиц учится. Скоро уйдут в отпуск на экзамены — план сорвется. Что же делать? Девчата тоже думали об этом — и про план, и о том, что могут потерять первенство в соревновании. Искали выхода. И решили не брать учебного отпуска.

Все чаще по ночам стала слышна команда: «Вира!». В лучах прожектора мелькали девичьи платки и кофты; ревели самосвалы, и до зари пел свою монотонную зудящую песню электровибратор. В три смены работала бригада. Те, кто сдавал экзамены, работали ночью.

Ох, и трудный же выдался месяц июнь! Трудный, но счастливый — бригада выполнила план на 128 процентов, сэкономила сотни кубометров бетона. Знамя первенства и славы осталось у них!

УНИКАЛЬНАЯ ПРОФЕССИЯ

Если вы встанете очень рано утром, ну, скажем, с первыми лучами солнца, и отправитесь мимо парующих градирен, цехов завода, пройдете под эстакадой — этой пульсирующей артерией, что связывает ТЭЦ с заводом мощным жгутом стальных труб, то вы окажетесь в поле —

там, где строится вторая очередь химического гиганта в Невинномысске.

Опустив хоботы, спят экскаваторы, застыли на месте бульдозеры, отдыхают скреперы; белеют железобетонные столбы конструкций будущих цехов. Сюда не пришел луч солнца, не прорезал еще утреннюю степную синь. Но вскиньте голову, взгляните туда, где красным полукольцом горит кромка кирпичной кладки. Туда пришли солнечные лучи. Они уже светят человеку, который работает на головокружительной высоте — кладет трубу. Он встал раньше вас, поднялась и его бригада:

— Уже две бадьи с раствором да контейнер кирпича отправила утренней посылкой, туда, наверх, — улыбается моторист Лариса Черная.

Захотелось на земле, здесь, увидеть того человека, что встречает первый луч солнца на стройке. С очередной порцией кирпича Лариса отправила наверх и мою записку.

И вот передо мной коренастый человек с бронзовым широкоскулым лицом и веселыми глазами.

— Трубоукладчик - верхолаз Владимир Наглый.

Я удивился:

— Вы смелый человек, а вовсе не наглый. Он расхохотался.

— Это моя фамилия такая, еще от деда в наследство досталась, вот и живу с нею скоро тридцать лет.

На нем не было ни пояса с цепями и защелками, ни страхующего каната, каким обычно пользуются верхолазы.

— Да как же так, вы безо всякой привязи и страховки?

— Вот моя привязь, — и Владимир выставил широченные ладони. — А вот и страховка, — он шлепнул себя по коленям. — Всему этому, да вот еще главному, — он тронул рукой левую сторону груди, — сердцу доверяю. Трубоукладчикам, как и взрывникам, ошибаться можно только один раз. В нашем деле нужно иметь крепкие нервы и очень хорошее здоровье. Но я не жалею, — все в норме, как говорят врачи. Они следят за нами.

Шесть лет работал Владимир Петрович в шахте па опасной должности взрывника. Потом ушел в армию, вернулся, стал каменщиком. У старшего брата Павла учился сложному мастерству трубоуклада. С тех пор не одну трубу сложил Владимир в разных городах страны.

ПОЧЕМУ ОПУСТИЛОСЬ ЗНАМЯ?

— Нет, ты скажи, председатель, вот при нем скажи, он из газеты, почему руководство не признает, что наша бригада выполнила план семилетки за четыре года? Еще в прошлом году выполнила. Всем известно, и рапорты, и документы есть, а не признают! — горячился бригадир

плотников Николай Толошко, обращаясь к председателю стройкома СМУ-1 Глечикову. — Мы же не требуем никаких вознаграждений за выполнение обязательств. Ну почему ж лишают бригаду признания, заслуженного трудом? Поймите же — мы не можем принять новых обязательств, не уверены, что не получится то же самое.

Он испытующе посмотрел на председателя, а тот сидел на краю скамейки, не глядя в горящие глаза бригадира, согласно кивал головой.

— Неужели не ясно, что от этого падает авторитет бригады? На нас ведь равняются. Остановится наша бригада, придержат шаг и идущие следом... Нет, так работать дальше нельзя! — решительно заключил Толошко.

Хорошая слава идет о коммунистической бригаде плотников имени XXII съезда партии и о ее бригадире Николае Федоровиче Толошко. Люди подобрались молодые, горячие. Когда бывает нужно, плотники становятся бетонщиками, арматурщиками, стекольщиками, паркетчиками.

Но вот обидели бригаду...

— Ну, чего они хотят? — равнодушно тянет начальник отдела зарплаты управления П. Чернов. — Соревнуются, ну и пусть па здоровье соревнуются.

Он копается в картотеке и что-то пытается доказать — какие работы процентуются в банке и какие нет.

Но причем здесь канцелярские выкладки? Нельзя процентовать порыв души! Почему отделу зарплаты доверили следить, как развертывается фронт борьбы социалистического соревнования? Прижатый фактами, Чернов устало говорит:

— Ладно, напишите в газете, что бригада Толошко в подарок июньскому Пленуму ЦК заканчивает выполнение семилетнего плана... Ох, беспокойный этот бригадир, — вздыхает «контролер» социалистического соревнования.

А голос «беспокойного бригадира» гремит уже в раскрытое окно соседнего дома: отдаются распоряжения, что кому нужно делать завтра с утра.

Потом он оборачивается ко мне и, уже улыбаясь, спрашивает:

— Ну, как наш город, хорош? Но то ли еще будет, когда закончим все по генеральному плану! Город-красавец! А знамя первенства бригада не отдаст, — неожиданно закончил Толошко.

Утром в красном уголке управления он сидел, чисто выбритый, притихший, и рассказывал:

— Почти двадцать лет прошло, как сидел за партой, многое позабыл. Все работа да работа, а об учебе и не думалось. А теперь вот, говорят, надо. Да я и сам знаю, что

надо. А раз так, буду учиться... Он встал, одернул пиджак. В петлице блеснула колодочка ордена Трудового Красного Знамени.

С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ

Со сцены клуба, освещенной голубым светом, в пустой зал льется мелодия Чайковского из балета «Лебединое озеро». Готовятся баянисты. Идет последняя репетиция.

Завтра краевой смотр художественной самодеятельности строителей «Химстроя».

В зале стоят и сидят притихшие девушки и парни: маляры, штукатуры, плотники —

люди разных профессий, участники смотра.

А в фойе шумно. Зеркало обступили девушки.

Мы разговорились с Валею Ткаченко.

— Если я не пою, мне кажется, что начинаю хуже работать. Да мы и на лесах дружим с песней, как затынем в разных комнатах, аж весь дом гудит.

Валя приехала сюда из деревни в 1959 году. Поступила ученицей в бригаду маляров Костенко. Здесь и получила специальность.

Много бессонных ночей отобрала вечерняя школа. Но вот позади и торжественная дата — вручение выпускникам аттестатов зрелости.

Валя вдруг прерывает рассказ, смотрит на свои часики.

— Ой, скоро репетиция! Я, знаете, уже шесть лет пою в хоре, но это мое выступление, наверное, будет последним. Надо готовиться в институт...

— Валя, иди скорее, — раздался голоса из клуба.

— Извините, — не прощаясь, она сорвалась с места и уже со ступенек крикнула: — Приходите смотреть!

Любят строители свой хор. Зал гремит аплодисментами. А на смену хору — музыканты, потом танцоры, сольное пение, декламация. Четыре часа продолжался смотр.

...Расходятся зрители, расходятся и артисты. Завтра снова они оденут спецовки и начнется работа на своих местах.

Поднимется на леса и Валя Ткаченко. Маляр, артистка, избранник парода — депутат городского Совета.

СТРОИМ НА ВЕКА

— Вам бригада Рассказова? Подымайтесь еще выше.

И вот самый верх строящегося здания — Дворца культуры химиков. Присев на корточки и задрав голову, человек кричал что-то в потолочный проем.

— Опору устраиваем в вентиляционном выходе для будущей люстры, — пояснил он. — Да, высоко, почти в космосе работаем, — добродушно посмеивается Василий Семенович.

— Ну, пошли, пошли на грешную землю. — И ей по-юношески легко сбежал вниз.

— Вот, своими руками возводим. С

колышка его начинали два года тому назад. Да разве только это с колышка-то начинали? Вон все, — он очертил рукой круг и, как бы заполняя его, показывал пальцем, перечисляя: — завод, ТЭЦ, жилье, кинотеатр — весь город новый...

— А ты чего улыбаешься? — неожиданно

напустился Рассказов на подошедшего плотника Евгения Кострикина.

— Да вы как-то, Василий Семенович, масштабно говорите.

— Масштабно? На большие работы смотреть издали надо. Пойдемте. Он зашагал, удаляясь от Дворца, и по дороге продолжал:

— Вот это слово — «масштабно» кое-кто у нас еще понимает по-своему. Как бы побольше положить в карман, а поменьше попотеть. Тоже свой масштаб!

Кострикин вскинул на него глаза.

— Да ты не косись, не о тебе речь. Ты уже знаешь цепу куска хлеба, — махнул рукой бригадир.

...Тяжело сложилась жизнь у Евгения Кострикина. Родители умерли, и он попал в детский дом. Потом по комсомольской путевке поехал на далекую стройку, а в 1959 году — сюда. Принял его Рассказов в свою бригаду учеником. Евгений учился ремеслу и набирался знаний в вечерней школе. Был комсомольским вожаком, и на все хватало времени. Теперь недалек тот день, когда Евгений Кострикин станет техником-строителем...

— Так вот я и говорю, — продолжал Рассказов. — Издали надо смотреть на большие работы, чтобы охватить глазом все сразу. — Он остановился и, закинув голову, глядит вверх. Кепка с маленьким козырьком сползла на затылок.

Мир, знания, красоту и труд утверждают художники в фресках на боковых фронтонах дворца. На серо-голубом граните барельеф девушки и парня — символ молодости наших дерзновенных мыслей и дел — венчает карниз центрального фронтона. Все это освещено весенним солнцем и сливается с голубым небом.

— Труд всему богатство, — будто думает вслух Рассказов.

Неожиданно он взглянул на меня и, улыбнувшись голубыми глазами, извинился:

— Заговорил я вас, а про Дворец ничего и не рассказал. Ну, вы приезжайте к празднику, к Октябрьскому, увидите, как внутри все оденется в мрамор, полированный гранит, стекло, металл, пластику.

Ведь мы строим на века!

ТОЛЬКО ИЗБРАННЫМ ДОВЕРЯЮТ

Только избранным доверяют сваривать цветные металлы, нержавеющей сталь — металлы высокого давления. Хорошим сварщиком человек должен родиться. Иначе не получится «мертвого» шва. —

В нашем деле, — говорит Александр Афанасьевич Крамарев, — надо понимать и чувствовать «душу» металла. Вот как скрипач, когда играет, его руки, смычок и скрипка и сам он слиты воедино. Так и у нас. Надо подобрать такой ток, отыскать такое

напряжение на реостате, чтобы оно было, что называется, точь-в-точь для данного металла. А для этого существует только один прибор — чутье. Сварщик своим «смычком» два раза по одному шву «не ходит», нет. Только один раз, и шов должен быть «мертвым» — прочнее самой трубы. Опять-таки чутьем надо угадать, что

каждый миллиметр проварен и на всю толщину. А там, где чутье, там уже творчество, — улыбаясь, говорит Крамарев.

И на этом ответственном деле Александр

Крамарев выполняет 160 процентов нормы. Его отличный труд не раз отмечался премиями, грамотами ЦК Союза, крайкома партии и похвалой всего коллектива.

